

А. И. Донцов, Е. Б. Перельгина

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

Основные направления формирования безопасности коммуникативных стратегий связаны с их адаптацией к условиям социально-психологической изменчивости.

Ключевые слова: соприсутствие, совместность, диалог.

The main directions of security formation of communication strategies related to their adaptation to the conditions of social and psychological variability.

Key words: co-presence, compatibility, dialogue.

Построение коммуникативной стратегии является многоплановым процессом, в котором необходим учет сложного спектра социально-психологических параметров, особенно актуальных в современный период развития общества. Формы социальных отношений в схематичных форматах современной социально-экономической эволюции редуцируются, обедняются социально-функциональные возможности, происходит углубление дифференциации массового общества, нарастание темпа исторических изменений, что обуславливает необходимость подготовки изменений в личностных структурах к динамике социально-психологической изменчивости.

Ж. Бодрийяр обратил внимание на то обстоятельство, что в современном мире происходит обезличивание стратегии взаимоотношений «Я—Другой». Один из важнейших и тревожных феноменов российской коммуникативной культуры, который не только препятствует экономическим мультикультурным коммуникациям, но и является основанием для социально-организационных деформаций, — это недостаточное развитие в нашей культуре представления о «Другом». Есть примитивные дихотомии, минимальное разнообразие категорий, жесткие схематичные оценки. Однако жесткая иерархичность плохо коррелирует с социально-экономическими и коммуникативными задачами с большой неопределенностью.

Донцов Александр Иванович — академик РАО, почетный президент РПО, докт. психол. наук, профессор кафедры социальной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* A.Dontsov@gmail.com

Перельгина Елена Борисовна — докт. психол. наук, профессор, декан ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург). *E-mail:* elena_sutkina@mail.ru

Управление коммуникативным воздействием, управление поведением потребителей. Мечты об управляемом мире сталкиваются с реальностью высокомерия по отношению к индивидуальности, безразличия к праву «Другого» быть иным, невнимания к целям совместимости, контекстуального взаимодействия.

Не случайно новые оттенки обнаруживаются в концепции Э. Гидденса, которая раскрывает ситуативные контексты присутствия и соприсутствия в социальном взаимодействии. В его трактовке структурные свойства социальных систем отражают «диалектику присутствия и отсутствия в пространстве и времени», которая связывает простейшие формы социального действия со структурными свойствами социума. По замечанию Гидденса, при изменении условий соприсутствия с точки зрения социально-психологических аспектов (совместность, опосредованность социального взаимодействия) отношения с теми, кто физически отсутствует, предполагают иные социальные механизмы. Так, отсутствующие другие, которые могут посредством мобильного телефона в любой момент вторгнуться в пространство и время пользователя мобильной телефонии, создают предпосылки для переопределения совместности, частного и публичного, близкого и далекого. Тем самым наличие небольшого мобильного средства дистанционной коммуникации создает условия для новых сложных форм социального взаимодействия как с «присутствующими», так и с «отсутствующими другими».

В ситуации соприсутствия совместное действие обусловлено основными социально-психологическими параметрами взаимозависимости. Высокая степень зависимости (и взаимозависимости) часто бывает связана с субъективным ощущением зависимости и с ориентацией на длительность отношений (т.е. со степенью приверженности им). Подобная вовлеченность является весьма мощной детерминантой просоциального поведения в контексте как личностных связей, так и формальных организаций, а рост независимости, напротив, часто связан со снижением просоциального поведения. Например, наличие хороших альтернатив, снижающих зависимость, чаще связано с более сильной ориентацией на собственные достижения. При высокой взаимности зависимости возможность эксплуатации со стороны одного или обоих партнеров низка. Такие интеракции и связи обычно более стабильны, и в них присутствует взаимное сотрудничество. Если взаимность зависимости низка, потенциал для эксплуатации значительно выше, что обычно связано с меньшей стабильностью отношений и менее выраженным сотрудничеством.

Показательно, что глава международного института языкового и межкультурного обучения Р. Льюис в рамках советов о бизнес-коммуникациях с русскими партнерами пишет: «Диссидентство у русских не популярно. Так сложилось исторически: безопаснее жить

группами, а чтобы жить в группе, русские должны были уметь подстраиваться. И сейчас сформировавшееся поведение русских характеризуется конформизмом. Не пытайтесь отделить русского от его “группы”, какой бы она ни была» (Льюис, 2008, с. 46).

Зависимость и согласованность взаимодействия в другом аспекте рассматривается в работах Д. Дойча, который выделил три типа групп взаимозависимости (кооперативный, смешанно-мотивационный и состязательный) и подчеркнул влияние типа группы на коммуникативный потенциал. Эти исследования показывают, что кооперативный тип содержит меньше коммуникативных угроз, в них выше согласованность действий и взаимная аттракция между членами, в отличие от состязательных групп, которые имеют больше коммуникативных противоречий. В смешанно-мотивационных группах, характеризующихся сочетанием кооперативных и состязательных элементов, присутствует социальная дилемма, когда для каждого члена «лучше бы производить как можно меньше», а в интересах группы, наоборот, «лучше, когда каждый вносит свой вклад в решение общей задачи» (Уилк, Ван Книппенберг, 2001, с. 479). Тем самым наиболее прокоммуникативное социальное взаимодействие присуще группам с кооперативной взаимозависимостью.

Среди других основополагающих факторов в стратегических форматах коммуникаций можно выделить преданность, которая отвечает стремлению человека поддерживать взаимоотношения и чувствовать себя психологически подчиненным этим взаимоотношениям, а также социальную поддержку, которая оказывает общее положительное влияние на психологическое самочувствие (Бирхофф, 2001, с. 416); Буунк, 2001, с. 392). Таким образом, безопасность коммуникаций во многом зависит от уровня координации действий участников взаимодействия, а также от степени преданности и социальной поддержки, которые способствуют психологической устойчивости участников социального взаимодействия.

В новой книге «Безопасность и организация», изданной в Милане, Чезаре Канеклин указывает: «В то время как возрастает число нормативов и общих ссылок государств Европы на проблемы безопасности, ежедневно растет также встречное стремление к индивидуализации и определению общих ориентаций современной коммуникативной безопасности» (цит. по: Sicurezza, 2010, р. XV; перевод наш. — *А.Д., Е.П.*).

Несмотря на то что участники способны отслеживать большую часть того, что происходит в более широком диапазоне социального окружения, фокусированное взаимодействие четко разграничивает тех, кто в нем участвует, и тех, кто соприсутствует. Единицей фокусированного взаимодействия является встреча лицом к лицу или столкновение, которое представляет собой путеводную нить социального взаимодействия, преобладающую встреч друг с другом, упорядоченную в рамках повседневного цикла деятельности. «Иными словами, то, что с точки

зрения текущего момента может показаться лаконичными и тривиальными обментами, становится гораздо более реальным и практически значимым, когда рассматривается в качестве неотъемлемого элемента повторяющегося характера социальной жизни. Рутинизация взаимодействий имеет первостепенное значение для органического сочетания мимолетного столкновения с социальным воспроизводством» (Гидденс, 2005, с. 126—127). Необязательность совместности и соучастия, конформность к методам соприсутствия вносят в регуляцию социального поведения феномен «безнормности», постоянной ситуации аномии.

Не меньшее значение для расширения пространственно-временной дистанции социального взаимодействия, эффективности коммуникации, осуществления системной интеграции имеют отношения доверия. Упор на преобладание в социальных взаимодействиях тактичности, восстановление деформаций социальной структуры и поддержание доверия предполагает преимущественное внимание к защите социальной целостности, внутренним механизмам социального воспроизводства, укреплению диалога с «Другими».

Сегодня, по мнению многих исследователей, имеет место коммуникационный кризис, который в интерпретации Ж. Бодрийера обусловлен имитацией процесса диалога. Он отмечает, что «вся система коммуникации перешла от сложной синтаксической структуры языка к бинарно-сигналитической системе вопрос/ответ — системе непрерывного тестирования. Между тем известно, что тест и референдум представляют собой идеальные формы симуляции: ответ подсказывается вопросом, заранее моделируется/обозначается им...» (Бодрийер, 2009, с. 134). Иными словами, происходит детерминация содержания коммуникативного взаимодействия стартовым сообщением, а также его содержательное и векторное моделирование инициативным актом коммуникации.

Не менее важны и другие аспекты коммуникативного кризиса. Председатель экспертного совета Центра политической философии А. Колесников вместе со своими коллегами раскрывает коммуникационную отсталость нашего государства и недостаточность коммуникативных стратегий, основы которых не только в недостаточном объеме и качестве инфраструктуры. «Это — кризис коммуникаций, коммуникационное отставание. Значит, во время и после кризиса придется прилагать усилия к улучшению качества коммуникаций, к изменению дискурса — стиля и содержания разговора с нацией и миром. Например, быть в “двадцатке” и разговаривать с ней конфронтационным языком невозможно, потому что это экономически и политически затратно. Лишать народ широкого меню политического участия — значит недооценивать граждан, которые уже ощущают на себе негативные потребительские и социальные последствия кризиса, а потому нуждаются в диалоге с властью, в реальном влиянии на принятие решений, в работе

механизмов обратной связи (выборы, СМИ, гражданские организации). Преодоление кризиса коммуникаций — это и преодоление периферийности России» (Драгунский и др., 2009, с. А 04).

В этой связи немаловажным в рамках нашего исследования является обращение к такому социально-психологическому параметру, как ингибирование, которое приобретает особую важность в стратегиях сохранения коммуникативной безопасности. Ингибирование, описанное Дж. Г. Мидом, представляет собой сдерживание участниками взаимодействия импульсов, умение поступать избирательно, и является необходимым компонентом безопасного социального взаимодействия.

Культура коммуникативного взаимодействия в сложном и динамичном обществе выступает как фактор, ограничивающий появление сложных и кризисных ситуаций, которыми так изобилует современное общество. Причем эти ситуации изменчивы, длительны, исторически вариативны. Еще Ч. Кули писал: «Утверждение более высоких и совершенных форм социального контроля, наличие многообразных альтернатив, вызывающих к разуму о необходимости сделать правильный выбор, требуют, конечно, значительного напряжения нравственных сил индивида. Вынести такое напряжение не всегда и не всем по плечу; непосильность задачи в таких случаях более или менее разрушительно сказывается на характере личности и грозит дегенерацией» (Кули, 2000, с. 308—309). Когда в культуре существует акцентирование цели успеха, ослабевает конформность к институционально предписанным форматам и стратегиям достижения этой цели, однако важно существование образцов возрастающего оптимизма, связанного с шансами достижения успеха в профессиональной сфере.

В современном обществе происходит изменение коммуникативных стратегий и социально-психологических параметров. Социальная сфера перешла на новый уровень соприсутствия и совместности, который образован сложной взаимодействующей массой организаций, группировок и взаимосвязей. Так, в США сейчас около 1 млн. 370 тыс. компаний взаимодействуют с более чем 90 тыс. школ и университетов, 330 тыс. церквей и сотнями тысяч ответвлений 13 тыс. общенациональных организаций, плюс бесчисленные экологические, социальные, религиозные, спортивные, политические, этнические и гражданские группы, имеющие свои ценности и приоритеты. В стране действует около 144 тыс. юридических фирм, обеспечивающих обслуживание всех этих взаимосвязей (Тоффлер, 2004, с. 384). Кроме того, произошли существенные изменения в информационной сфере. Равновесные связи между социальными группами и институтами обеспечиваются глобальным увеличением информационных сообщений, взаимосвязей, потоков. Осознаются задачи ингибирования в коммуникативных стратегиях, предотвращения ценностных дифференциаций, агрессивных мотиваций.

Данные специального исследования¹ свидетельствуют, что наибольшее опасение вызывают угрозы массовых манипуляций (75% респондентов), в то время как угрозы межличностных манипуляций — только 20%. Респонденты заявили, что ситуации просмотра телепередач вызывают наибольшее количество страхов и опасений в отношении содержания полученной информации (38% опрошенных). В плане межличностных коммуникаций наибольшее опасение вызывает недостаток ингибирования в профессионально-деловой сфере (42%), семейно-родственной (21%) и дружеской (14%). Таким образом, проблема безопасности личности зависит от воздействия средств массовой коммуникации и использования многочисленных манипулятивных приемов, которые, вторгаясь во внутренний мир человека, разрушают его привычные стереотипы, ценности и искажают его картину мира.

При условии отказа от ограничений поведенческих возможностей, связанных с отдельной личностью, можно говорить о программе, которая подразумевает под собой стратегию. Опираясь на позицию Лумана, целесообразно рассматривать программу как комплекс условий социальной приемлемости поведения, обеспечивающих безопасное поле коммуникации. При этом программы стратегического уровня должны формулироваться системно, с возможностью коррекции и без детальной дифференциации. В таком случае ценностный консенсус облегчает коммуникацию о контингентности программ — об их развитии, адаптации к ситуации, изменении или старении (Луман, 2007, с. 402, 413—421).

При этом в стратегиях коммуникативного взаимодействия важным, по мнению Э. Мунье, является следование ряду интерактивных положений. Во-первых, необходимо выйти за собственные пределы — отсоединиться от самого себя, раскредитовать себя, чтобы открыться «Другому». Во-вторых, важно не ограничиваться собственной точкой зрения, а уметь принять позицию «Другого», т.е. соединить отличные друг от друга позиции в достижении согласия. В-третьих, нужно уметь взять на себя ответственность за судьбу «Другого». В-четвертых, нужно уметь отдавать щедро и безвозмездно. «Великодушные, даже если оно не получает отклика, топят лед недоверия и разрывают круг одиночества, сглаживают острые углы несогласия» (Мунье, 1999, с. 480). И, наконец, необходимо быть верным: «...преданность, любовь и дружба совершенны, только если они постоянны. Постоянство не имеет ничего общего ни с устойчивостью, ни с единообразием, это — непрекращающееся излучение» (там же).

¹ В исследовании, проведенном в 2010 г. под руководством Е.Б. Перельгиной, приняли участие 176 респондентов (90 женщин и 86 мужчин) в возрасте от 20 до 64 лет, студенты Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), работники банковской сферы и сотрудники милиции.

Социально-психологические параметры социального взаимодействия во многом зависят от типа культуры, а также от определенных стратегий поведения, связанных с национальными, ментальными чертами. Например, по свидетельству писателей, для англичан характерны: этика и активность в преодолении препятствий, умение подобающим образом реагировать на жизненные ситуации (культ предписанного поведения) в межличностных и социальных коммуникациях, регулирование эмоциональной экспрессивности, сдержанность и обходительность, потребность в коммуникациях, коммуникативная деликатность. Сохранение «жесткой верхней губы» для англичанина опосредовано моральными нормами и мнением окружающих о его поведении. При этом англичанам присущи отказ от воздействия на чужие установки, мнения, доброжелательность, вежливость в общении, избегание психологического давления (Сухарев, Сухарев, 2000, с. 131—136, 140—144).

Известный отечественный журналист и писатель В.В. Овчинников, исследуя национальные черты различных народов, приходит к выводу, что выработка таких черт у англичан и прежде всего их корректности, вырастает из инстинкта социального самосохранения. А преобладание в характере англичан репрессивности, т.е. самоконтроля, самообладания, особенно в кризисных ситуациях, культ предписанного поведения, вытекает из выгоды коммуникативной безопасности.

Существенная разница в кросс-культурных моделях взаимодействия обуславливает необходимость учета различий социально-психологических параметров и факторов в межкультурных отношениях. Известно, что в японском языке формы личных местоимений для обозначения говорящего или того, к кому была обращена речь, варьировались до бесконечности в соответствии со строгими правилами этикета, зависящими от того, какой ранг занимал каждый собеседник и какие их связывали социальные отношения. Когда число социальных классов резко сократилось, а затем они и вовсе исчезли, стало очень трудно узнать, как следует обращаться к человеку, чтобы избежать сложных или угрожающих коммуникативных ситуаций. В сомнительных случаях вместо «я» или «вы» люди стали применять все более расплывчатые безличные формы, предпочитая нейтральное «считают, что...» вместо «я думаю, что», чтобы случайно не допустить ошибки, используя неподобающее случаю личное местоимение (Фредерик, 2007, с. 98—100).

Тенденция к созданию тотального информационного пространства с обязательным кодированием субъектов социального взаимодействия снимает значимость ритуалов и этикета совместности, моральной и ценностной регуляции, создает «галлюцинаторную» свободу коммуникаций.

Для заключения воспользуемся антисимуляционным гуманистическим тезисом Ч. Кули: «Пока общество способствует развитию у каждого ребенка его лучших задатков, оно свободно; когда оно утрачивает эту

способность, оно перестает быть таковым. Там, где детей плохо воспитывают или плохо учат, где семейное влияние носит нездоровый характер, а школы неэффективны, где местная власть не справляется со своими обязанностями, а публичных библиотек не хватает, — там люди несвободны» (Кули, 2000, с. 307).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бирхофф Г.У.* Просоциальное поведение // Перспективы социальной психологии / Под ред. М. Хьюстона, В. Штребе, Дж.М. Стефенсона. М., 2001. С. 398—420.
- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. 3-е изд. М., 2009.
- Буунк Б.П.* Аффилиация, аттракция и близкие отношения // Перспективы социальной психологии / Под ред. М. Хьюстона, В. Штребе, Дж.М. Стефенсона. М., 2001. С. 372—397.
- Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М., 2005.
- Драгунский Д., Жарков В., Колесников А.* После кризиса: Пересоздание ценностей / Ведомости. Пятница, 30 января 2009. С. А 04.
- Кули Ч.* Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. М., 2000.
- Луман Н.* Социальные системы: Очерк общей теории. СПб., 2007.
- Льюис Р.* Как вести бизнес с русскими // «Эксперт Урал». № 27 (336). 07—13 июля 2008.
- Мунье Э.* Манифест персонализма / Пер. с фр. М., 1999.
- Сухарев В.А., Сухарев М.В.* Европейцы и американцы глазами психолога. Мн., 2000.
- Тоффлер Э.* Третья волна / Пер. с англ. М., 2004.
- Фредерик Л.* Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи: Пер. с фр. М., 2007.
- Уилк Х., Ван Книппенберг Э.* Групповое действие // Перспективы социальной психологии / Под ред. М. Хьюстона, В. Штребе, Дж.М. Стефенсона. М., 2001. С. 454—503.
- Sicurezza E.* Organizzazione. A cura di Cesare Kaneklin, Giuseppe Scaratti. Milano, 2010.